

БЕРЛИН – ГОРОД МОЕГО ПРОШЛОГО

Н. М. Каухчишвили

Ich finde nirgends Ruh / muss selber mit mir zanken /
Ich sitz / Ich lieg / Ich steh / ist alles in Gedanken
Andreas Tscherning, Melancholey Redet selber (1655)

Wo bist du, Jugendliches! das immer mich
Zur Stunde weckt des Morgens, wo bist du, Licht
Hölderlin, Der Blinde Sanger

Мои воспоминания не литературно-культурные и не русские, а, думается, типично эмигрантские. Я начну с самого начала, с предпосылок этой эмигрантской истории. Мой отец уроженец Кутаиса, где он вырос и окончил реальное училище, а затем стал выпускником Петербургского политехнического института в 1912 г. как инженер-металлург и химик. В том же 1912-ом году он поступил на работу на станцию водоснабжения при городском управлении, а затем стал заведующим этой станцией. Мать училась на Бестужевских курсах, на факультете естествознания, насколько мне помнится, ботаники. В 1913 г. они обвенчались и поселились на Большой Дворянской ул., д. 10, кв. 22. В те годы отец установил отношения и с русским филиалом немецкой фирмы Сименс: то ли как консультант, то ли на временной должности по своей специальности. Это стало его спасением в эмиграции, где он смог поступить на постоянную работу в эту фирму.

После февральской революции мало что изменилось в жизни родителей. Но когда разразилась октябрьская революция, отец заведовал отделением городского водоснабжения. Он появился на работе, как всегда, но оказалось, что отделом уже руководил его бывший подчиненный, с которым он, видимо, прекрасно ладил. Тот ему посоветовал немедленно покинуть Петербург, предоставил ему машину до вокзала, чтобы отправиться в Тифлис, поскольку предвиделось, что связь с Грузией скоро

прекратится. И в самом деле, он попал на последний прямой поезд, но ему удалось позвонить моей матери, известить ее о своем отъезде, прося ее любым путем добраться до Грузии.

Матери удалось получить медицинское свидетельство, что ей “необходимо пребывание на юге в течение продолжительного времени” из-за кожной болезни (это свидетельство у меня сохранилось). По этому документу ей удалось выехать из Петербурга в Москву, а оттуда самыми разнообразными видами транспорта добраться до Тифлиса. Я не могу сказать, сколько времени она путешествовала, но сохранилась бумага, которая свидетельствует, что она провела конец осени 17 г. в Кутаиси, где и после переезда младшего сына в Тифлис продолжала жить моя бабушка. А по сохранившейся фотокарточке выясняется, что она ездила с родственниками лечиться в Боржом, наверняка весной 1918 г.

После распада Транскавказской комиссии Грузия, Армения и Азербайджан объявили независимость, и Грузия стала демократической республикой. 26 мая 1918 г. было провозглашено грузинское меньшевистское правительство, возглавленное президентом Н. Джордания; министром внутренних дел был А. Церетели, а министром иностранных дел С. Кедия.

Заодно надо было создать дипломатический корпус в первую очередь для международных связей с европейскими странами.¹ Поскольку отец владел немецким языком,² его назначали атташе по коммерческим связям в Берлин и выдали дипломатический паспорт: огромный лист с печатями консульств, аккредитованных в Тифлисе. Судя по паспорту, в течение 1918 г. в Тифлисе были открыты многочисленные консульства, и одним из первых было немецкое, что видно из свидетельства о прививке оспы, датированного сентябрем 1918 г.

По сохранившимся документам выясняется, кроме того, что мать, до отъезда на Запад в июне 1918 г. возвращалась в Петроград, чтобы распорядиться имуществом. Грузинский национальный комитет выписал ей удостоверение, что она под покровительством комитета направляется в

¹ Нетрудно себе представить как это произошло, так как на наших глазах случилось то же самое, после распада СССР.

² В кутаисском реальном училище изучали немецкий и французский языки, а преподавателями были иностранцы. Француз им говорил, картавя: “Шестнадцать лет преподаю а таких дикарей еще не видал”. А немец обращался к ученикам, говоря: “Spitz pass auf”, т. е. как к собаке. Тогда они привели в класс собаку, и когда преподаватель сказал: “Spitz pass auf”, они ей наступили на лапу, а та залаяла на учителя.

Грузию к мужу. Тот же комитет ей выдал в том же месяце свидетельство о том, что ее “имущество, находящееся на Большой Дворянской ул., д. 10, кв. 22, не подлежит задержанию, осмотрам, обыскам и реквизиции без ордера Национального Комитета и без участия Члена Комитета”. – Часть этого “имущества” сохранилась до сих пор у родственников в Петербурге. Затем в июле того же года было подтверждено, что она “уроженка Екатеринославской губ.” и что “против выезда на родину не имеется препятствий”. Исходя из этого, можно предположить, что родители встретились в Екатеринославе и оттуда вместе отправились на Запад, по следующему паспорту: “République Géorgienne - Passeport Diplomatique n° 32 - au nom de la République Géorgienne: Nous Ministre des Affaires étrangères de la république Géorgienne prions les Autorités Civiles et Militaires chargées de maintenir l'ordre dans les États, de laisser passer librement M-r L'ingénieur Michel Kaukhichvili, Délégué Économique en Europe et de lui donner aide et protection en cas de besoin. Fait à Tiflis, le 29 mars 1920”.³

Это огромный сложенный вчетверо лист с служебными печатями.⁴ Однако, когда основной паспорт был использован, выдавали и “вкладыши” обычного формата. Выясняется, что отец был в Англии, Голландии, Норвегии, Дании, а начиная с 27 сентября 1918 г., когда военный комендант города выдал ему временный вид на жительство, стал жить в Берлине. Первоначально они поселились в гостинице на Фридрихштрассе 143, где прожили до 6 декабря 1918 г.

После этого они отправились по службе в Швецию, о чем свидетельствует паспорт. Мне запомнились их рассказы об оживленной стоковой жизни, о блестящих дипломатических приемах, а мама рассказывала как высокие шведы над ней издевались. Дело в том, что она была невысокой (ее в семье называли крошкой), и шведские шутки были направлены на ее рост. В Швеции они провели несколько месяцев, а 26 июня 1919 г. вновь были в Берлине.

Видимо, они решили, что останутся там надолго, и сняли квартиру в типично эмигрантском квартале, в самом центре русского Берлина, в Вильмерсдорфе, на Nachodstrasse 5, где я и родилась в августе 1919 г. На этой улице была, как мне помнится, кирпичная русская церковь, а рядом русская школа. Это показывает, что Берлин был одним из главных

³ Сохранился только второй паспорт 1920 г.

⁴ В то время в России уже существовали, как и сейчас, паспорта в виде маленькой книжки, что видно по паспорту матери, с отметкой о регистрации ее брака.

эмигрантских центров, ведь в Париже русской школы не было.⁵ Конечно, не надо забывать, что первая эмигрантская волна остановилась именно в Берлине, чтобы скорее вернуться на родину, как только буря пройдет. При школе был и детский сад, но меня туда не отдали, так как я должна была жить только в грузинской среде.

Помню, что позже мне рассказывали, что на Nachodstrasse по воскресеньям не произносилось не одного немецкого слова: это был действительно русский остров в немецком городе. Когда я в 1971 г. в Милане познакомилась с В. Шкловским, зашел разговор о русском Берлине, и он у меня спросил, на какой улице мы жили. Услышав, что на Nachodstrasse, он добавил “в самом центре русского Берлина” – эта улица была эмблемой первой русской эмигрантской волны.

Надо предположить, что мои родители тоже предполагали раньше или позже вернуться на родину, так как снимали меблированные комнаты с кухней и со всеми удобствами в большой и очень шикарной, как мне помнится, квартире. Хозяйкой была интересная и изящная вдова, еврейка, с которой мы дружили и поддерживали близкие отношения до ее кончины.

Насколько мне помнится, дипломатам выплачивали тогда жалование английскими фунтами и, видимо, плата была неплохая, хватало на сравнительно большую квартиру и на постоянную няню, которая помогала по хозяйству, готовила обеды, так как мама моя, у которой в России была прислуга, не умела и не любила готовить. Кроме того, я ни разу не слышала, что они пострадали от немецкой инфляции 23-го г. Иными словами, благодаря грузинскому правительству, мы не прошли через эмигрантские мытарства.

Конечно, эмигрантский мир был своеобразным. Помню, мне могло быть три или четыре года, и в день моего рождения ожидалась гости. Я волновалась, и когда раздавался звонок, подбегала и открывала парадную дверь. Пришла мамина приятельница, высокая, стройная, изящная дама, которая сочла недопустимым, чтобы дверь открывала маленькая девочка. Она приказала мне закрыть дверь, опять позвонила, и я должна была ждать, пока няня подойдет и откроет ей дверь. Видимо так старались сохранить старые обычаи, опасаясь “падения нравов”, что было тогда крылатым словом. Позже эта самая княгиня продавала в Париже лотерейные билеты в будке, и до глубокой старости работала у Lipton Tea, где зашивала чай в мешочки. Она играла на гитаре, и ей удалось позна-

⁵ Русские учебные заведения существовали в первое время в Праге.

комиться с Юлом Бриннером и выступить в какой-то маленькой роли в одном из его фильмов.

Как я говорила, меня не отдали в детский сад: возможно, что в то время это еще не было принято. Но мама, почувствовав себя не подготовленной к самостоятельному воспитанию и пошла на курсы Монтессори, чтобы научиться заботиться о ребенке. У меня годами хранились маленькие игрушки, которые я с ней клеила и складывала из разноцветной бумаги, делая на редкость красивые домики с садиками и целые деревни.

Перейду теперь к судьбе отца. Он как дипломат много путешествовал, чтобы заложить основы коммерческих отношений Грузии с другими странами и развить торговлю. В то же время он, конечно, беспокоился и о будущем. Выяснив, что петербургский диплом не дает ему в Германии права на звание доктора-инженера, он решил защитить докторскую и записался в политехнический институт в Карлсруэ, тогда один из лучших в Германии. Между тем, в конце 1920 года ему пришлось поехать с отчетом в Грузию, мы же с мамой оставались в Берлине.⁶ В Грузии он был в последний раз: там он поехал в родной Кутаис к матери, повидаться с родственниками, со старыми друзьями, и между прочим с дворником гимназии Бона.⁷

Однако, политическая обстановка в стране во время его пребывания обострилась, и в феврале 1921 г. Грузию заняли большевики. Отцу удалось попасть на последний пароход, вышедший из Батуми. Вместе с ним выезжало много эмигрантов,⁸ а этот пароход оказался итальянским и направлялся в Бриндизи.⁹ Добраться из южной Италии до Берлина с ди-

⁶ 29 марта 1920 г. берлинское представительство Грузии выдало ему новый паспорт; заодно он получил и датскую визу, которую он должен был использовать до 7 июня.

⁷ Это была знаменитая в городе личность, все бывшие гимназисты его уважали, а отец хотел попрощаться и с ним. Тот попросил прислать ему багистовые платочки, и в 1963 г., когда я была в Кутаиси, меня тоже повели к нему. Тогда он был преклонных лет, с гордостью показывал мне сохранившиеся у него платочки и попросил достать ему новые. Брат мой с женой с ним встретился в 1968 г., и он вновь заговорил о платочках. Эти отношения были знаком патриархальной традиции, пережившей революционные потрясения.

⁸ В 1995 г. на Форуме зарубежных грузин, я встретила с одной дамой, которая девочкой плыла на том же пароходе сначала в Европу, а затем в Америку.

⁹ В начале сентября 1949 года я с группой миланских скаутов отправилась пароходом из Генуи в Сардинию. Вдруг меня вызывает капитан. О, ужас, я перепугалась и не понимала в чем дело. Прихожу к капитану, он меня усаживает и

пломатическим паспортом, действительным до лета 1921 г., было несложно тем более, что на нем была и итальянская транзитная виза.

Когда отец вернулся в Берлин перед ним встал вопрос – что будет дальше. Но ему повезло. Не успел он подумать, как раздался телефонный звонок и знакомый ему объявляет, что бывший представитель фирмы Сименса в Петербурге просит с ним связаться. Выяснилось, что они его приглашают на работу, но отец объявил, что намерен защитить докторскую в Карлсруэ, и они договорились, что сразу после защиты он вновь с ними свяжется. Но главное, как можно догадаться, у родителей оставалось достаточно денег, чтобы пережить и этот неоплачиваемый отрезок времени. После защиты отец поступил к Сименсу на постоянную работу в электрометаллургическом отделе. Там он создал многочисленные проекты и стал строить электрические печи для плавления металлов не только в Германии, но почти во всех европейских странах. Ему приходилось опять много путешествовать по Европе, но не с дипломатическим а с нансеновским паспортом, и это означало, что на каждую поездку требуется виза. Иными словами, нам повезло, а его положение у Сименса дало ему возможность устроиться на работу и некоторых эмигрантов.¹⁰

Вскоре мы переехали в Сименштадт, пригород устроенный Сименсом для рабочих и служащих. Там мы жили, в первое время, быть может, сравнительно скромно, но наша жизнь протекала совершенно нормально, и мы не переживали эмигрантских трудностей. Дети ходили в немецкую школу, дома встречались с эмигрантами, и все это казалось нам совершенно естественным.

спрашивает: “Ваша фамилия Каухчишвили?” После моего утвердительного ответа он мне рассказал следующее: в 1921 г. он был молодым офицером на последнем пароходе из Батуми в Италию. Среди пассажиров был инженер Каухчишвили, и капитан спросил, не родственник ли он мне? На мой ответ, что это был мой отец, он рассказал мне много интересного об этой незабываемой, по его мнению, личности. Поэтому, увидав в списке мою фамилию, он задал себе вопрос, не родственники ли мы. Долго мы с ним беседовали, и для меня это была необыкновенная встреча, и я много узнала о судьбе моего отца, который, к сожалению, скончался за два года до этого случая в моей эмигрантской жизни.

¹⁰ Среди них, кроме нескольких инженеров-грузин, был и один русский немец. Когда отец проходил мимо его чертежной доски, тот постоянно чинил карандаш. Тогда отец у него спросил, почему он все время точит, а не чертит, и тот ему ответил: “Михаил Георгиевич, вы же знаете, что можно чертить только тогда, когда у человека подготовлено много острых карандашей”. Типично гоголевский ответ. Дома отец возмущался, но все-таки его не уволил.

Пока мы жили на Nachodstrasse приезжал стажером папин брат, филолог-античник, заниматься у знаменитого немецкого ученого Вилламовиц-Мёллендорфа. Это было великим событием в моей жизни, я была очень маленькой, но горда, что и у меня появился дядя. По-моему, эмигрантские дети ощущали, что они отличаются от местных сверстников, так как у них не было ни бабушек, ни теток. Быть может, поэтому у меня живо остался в памяти приезд дяди, который, кроме того, проводил со мной много времени, так как я была одних лет с его дочкой. Я считаю, что понятие “родство” мне и до сих пор плохо дается: я познакомилась с двоюродными братьями и сестрами, когда мне было сорок лет, я с ними подружилась, но они все-таки живут в своем *далеке* и только косвенно связаны с моей повседневной и личной судьбой.

Во время НЭПа приезжала на учебу грузинская молодежь, и нам приходилось отчасти ее подкармливать, так как они не очень усердно учились, веселились в оживленном Берлине тех лет. Многие из них кормились у Ашингера: своего рода самообслуживание, где можно было съесть пару сосисок и наесться вдоволь неограниченным количеством булочек. Но это длилось недолго. Их родителям было все труднее и труднее высылать деньги, и они стали кормиться по домам. Их приглашали, а мы, дети, были очень рады, так как они с нами шутили, и нам было весело. После нашего переезда в маленькую трехкомнатную квартиру в Сименсштадте грузинской молодежи приходилось добираться до нас через лес; у нас был открытый стол, но маме это скоро надоело. И вот тут чудом появилась прислуга-эмигрантка,¹¹ искусная кухарка, которая любила всех принимать и кормить.

Грузинскую молодежь принимали кроме нас и в доме у Акакия Папавы,¹² у Кереселидзе, пока они не переселились в Париж. Кроме того, во время НЭПа на более или менее длинный срок приезжали стажерами и интеллигенты:¹³ врачи, инженеры, техники, все они стремились к высшей квалификации и усердно занимались. Они оживляли нашу жизнь, тем более что среди них были и наши давние знакомые, через которых возоб-

¹¹ Помню только, что ее звали Ириной Федоровной и что мы перекрестили ее в Ирафе. Не могу сказать, каким образом она очутилась в эмиграции. Помню, что она была из Харькова, что был и муж, с которым она разошлась. Я должна быть ей признательна, так как благодаря ей русский стал у нас домашним языком.

¹² Его жена была писательницей.

¹³ Среди них запомнились: Елена Бетанели, врач, семья Чхенкели, Кикодзе, Джaparидзе, Лагидзе, Вепхадзе, который позже жил в Мюнхене.

новлялась связь с родиной. Некоторые из них, но сравнительно немногие, остались затем в Германии, став эмигрантами.¹⁴

Постоянным гостем был у нас учитель по грузинскому языку, Гела Гелазания; от него отдавало чесноком, который в Германии не употреблялся, и мне очень не хотелось с ним заниматься. Конечно, было мало охоты готовить, помимо домашних уроков, и добавочные грузинские, но я все-таки научилась читать и писать. А когда моему брату исполнилось 12 лет его отправили в Leuville, в грузинскую семью, чтобы научиться свободно говорить на грузинском. Языковой вопрос был очень сложным: русские дети имели свою школу,¹⁵ а для грузинских детей такой возможности в Берлине и в Париже не было. Брат же мой, благодаря русской домработнице, научился кое-как говорить по-русски, и грузинской семье во Франции показалось проще общаться с ним на ломаном русском языке, чем приучить его к грузинскому.

Пока мы жили на первой, скромной квартире и прислуга спала в одной комнате с детьми, приезжали от времени до времени родственники из России, которых “выписывали” как тогда говорилось, родители. Это было большим праздником и важным событием для нас, так как и у нас, эмигрантских детей, а не только у наших школьных сверстников, оказывались настоящие родственники. Мы как я уже сказала, действительно переживали, что росли без бабушек, теток и кузенов.

Бесподобным событием был приезд к отцу советской делегации. Они старались его уговорить вернуться, так как им нужны были “такие крупные специалисты” и Иосиф Виссарионович лично его приглашал.¹⁶

¹⁴ Вспоминаю Цулукидзе, по-моему врач; сын их тоже стал врачом, женился на немке и жил в Берлине, в советской зоне.

¹⁵ Существовали и воскресные школы для тех детей, которые учились в немецкой школе.

¹⁶ Следующая встреча с официальной делегацией состоялась в 1946 г. в Париже, куда вызывали всех эмигрантов. Одним из членов этой комиссии был Шалва Нуцубидзе, троюродный брат моего отца. Они должны были уговорить его вернуться в Грузию, опять под предлогом, что им нужны высоко квалифицированные техники. Эта беседа страшно взволновала отца, главным образом из-за присутствия Нуцубидзе. Когда он вернулся домой, он был потрясен, и мы были убеждены, что эта встреча вызвала в нем такую сильную реакцию, что он через несколько месяцев после этого внезапно скончался в Риме от инфаркта, тогда *angina pectoris*. Но что со мной было, когда мне показали в Грузии книгу, где поступок Нуцубидзе, которому в Грузии в свое время не простили того, что он, ученый-филолог согласился войти в эту делегацию, оправдывается. В 1936 г. он был

Встреча состоялась у нас, а не на работе. Быть может, это считалось более эффективным со стороны делегации. Когда они вошли в нашу, безусловно, скромную квартиру, они сказали, смотрите, Михаил Георгиевич, как вы тут живете, приезжайте к нам, мы вам предоставим такую квартиру, как та, в которой вы раньше жили.¹⁷ Отец, конечно, не согласился, но они ему все-таки заказали два проекта: один на завод в Зестафони, а другой в Донецке. Проекты были разработаны отцом в Берлине, а его сотрудники - немцы ездили в Грузию и следили за точным выполнением и монтажом. Таким путем появилась неожиданно возможность поддержать непосредственные связи с родственниками, что для всех было большой радостью. Завод в Зестафони существует или существовал и работал до конца советской эры. В 1968 г. брат мой с женой были в Грузии, и дирекция завода пригласила их на торжественный банкет в честь сына строителя завода. Прием был щедр по грузинской традиции, но кто-то сказал брату, чтобы он не спрашивал можно ли посетить завод, так как эти заведения считались государственной тайной.¹⁸

Взгляну теперь на грузинскую жизнь Берлина. После 1921 г. в Берлине образовалась довольно большая грузинская колония. Если я не ошибаюсь, первым председателем был долгое время Диасамидзе (не запомнила его имени). На этих собраниях говорили и на ломаном немецком языке, что бы не дай Бог не произнести лишнего русского слова. Помню как сейчас, как президент объявляет: *ich schliesse di Versammlung zu* (“я запираю собрание”), как будто берет ключ и сует его в скважину; мы, детишки, над этим издевались, но надеялись, что он нас не запрет на ключ в зале. Поскольку все мы учились в немецких школах, то говорили между собой по-немецки.

Нас часто водили на эти собрания, где мы знакомились с грузинскими верстниками и с удовольствием вместе играли и веселились. Вся грузин-

арестован, и книга показывает, что мой отец был проницательным человеком. В книге содержатся все допросы моего дяди, т. е. брата отца. По допросам выясняется, что его арестовали, потому что его брат был нацистским шпионом против СССР. Этим теперь оправдывается поступок Нуцубидзе. Вот что бывало в эмигрантской судьбе: высоко квалифицированного инженера, который был тогда одним из лучших специалистов в своей области в Европе, обвиняют и в настоящее время, в шпионаже против Грузии, по советской традиции. Я только рада, что моему брату не пришлось это прочесть.

¹⁷ Если я не ошибаюсь, один из делегатов был бывшим сотрудником отца.

¹⁸ Насколько мне известно, завод в Донецке был разрушен во время войны, но его тоже строили по разработанным отцом проектам.

ская колония была как одна большая семья.¹⁹ Кроме того, устраивались вечеринки, и мне запомнились в особенности два праздника: 27 января, в честь равноапостольной Нино или “Ninooba”, покровительницы всей Грузии. 26 мая празднуется и до сих пор как день основания независимой Грузинской демократической республики. На этих встречах молодежь и взрослые танцевали лезгинку, детей наряжали в грузинские национальные костюмы: мальчиков в черкеску, а нас, девочек, в темномалиновое платье, цвета грузинского флага, с черно-белым головным убором. Это платье у меня сохранилось до самого отъезда в Италию, где мы в такие же костюмы наряжали кукол, чтобы их показать итальянцам, которые о Грузии тогда ничего не знали. Когда у нас спрашивали: откуда вы, и мы отвечали - из Georgia, они считали, что это Georgia в Америке.

26 мая вспоминали славное грузинское прошлое: царствование царицы Тамары, поэму Шота Руставели; говорили о прошлом и о будущей судьбе нашего народа. Нас вновь разодевали, мы должны были читать грузинские стихи, а после торжественных спичей и чтений, увлекались вновь, как в январе, танцами и разными увеселениями. Мужчины пели грузинские народные песни, и все проходило в дружеской атмосфере.

Но бывали и трагикомические ситуации. У Диасамидзе была единственная дочь, уже в возрасте – ей было около сорока. Она жила с отцом, замужем не была, чем занималась, не помню. Но вдруг как молния распространилась тайна: эта уже немолодая девица забеременела и родила девочку. Все шептались, поражались – колонии требовалось время от времени какое-то потрясение. Говорили, что при самом Диасамидзе нельзя об этом даже упоминать, так что все только тихонько перешептывались. В один вечер разразился спор, Диасамидзе горячился, начал кричать и вдруг у него вырвалось: “Клянусь моей внучкой!” Все остолбенели, но и вздохнули свободно, так как все стало официально известно, и не надо было больше шептаться. О дальнейшей судьбе этой внучки ничего не могу сказать.

Если я не ошибаюсь, вторым президентом колонии был Ладо Ахметели и, как мне помнится, он был человеком каким-то образом обеспеченным и мог посвящать колонии большую часть своего времени, вни-

¹⁹ Это подтвердилось и позже. Когда мы жили в Италии, к нам заезжали бывшие друзья, а после войны, в 1945 г., когда те, которые воевали с Врангелем, оказались в сложном положении, нам удавалось им помочь, поддержать их и материально, и духовно. Мне помнится, что среди них были (по пути в южную Америку) Марго Маргвелашвили с княгиней Дадиани, а Нико Накашидзе собирался обратно в Германию.

мательно за всем следя. Помню, как почтенная дама Тамара Папава читала свои сочинения, как молодая Лили Гегелашвили предлагала первые авторские попытки. Откровенно говоря, такие выступления грузин мало интересовали, они увлекались политикой, но не немецкой или мировой, а бывшей политикой грузинской республики. В Берлине создались те партии, которые существовали во время независимости. В каждой партий было немного членов, но происходили бурные споры, казалось, что эти партийные споры должны были иметь какое-то практическое значение. Эти увлекательно-пустые разговоры большей частью кончались оживленными выступлениями против Сталина, которые восполнялись личными воспоминаниями. О нем писались книги, которые не всегда печатались, антисталинская пропаганда считалась основным смыслом жизни, но все это не давало малейшего дохода, и семью должны были содержать жены шитьем.²⁰ Итак, мужчины имели возможность посвящать свое время политике, и в Париже это было еще более замечательно – там жило больше грузин, среди них были и аристократы,²¹ жизнь в колонии была оживленной, но сравнительно мало культурной. Но там была другая обстановка.

Во время независимости грузинское правительство купило так называемое *château* в *Leuville*'e, недалеко от Парижа. Это была своего рода усадьба с довольно большим участком, где производились грузинские продукты: сулгуни, мацони (йогурт), ткемали, овощи, разные травы (кин-дза),²² готовились и грузинские варенья. Затем кто-то решил открыть в Париже магазин, чтобы продавать *Leuville*'евские продукты: проект был одобрен, и магазин устроен. За прилавком было помещение, где целыми днями сидели и спорили о политике несуществующей Грузинской республики представители разных партий. Когда появлялись покупатели, они оказывались помехой спорам, обслуживать покупателей продавцам не хотелось – считалось, что грузинская политика важнее всякой торговли. Поэтому магазин просуществовал недолго и вскоре прогорел. Чем они жили, этого сказать не могу. Знаю, что в *Leuville*'e горевали, но делать было нечего.

²⁰ Помню, что Сагирашвили и Маргвелашвили выступали против Сталина, а отец старался их убедить, что этим ничего не изменишь.

²¹ В Берлине многие прицепили к своей фамилии немецкое *von*, превратив себя в аристократов.

²² Пока брат мой жил в грузинской семье, там все готовилось с кинзой. Когда папа приехал в Париж, брат его умолял пойти в ресторан: ему хотелось съесть хоть одно блюдо без кинзы.

О деятельной энергии грузинской колонии могу рассказать еще следующее. В Париже жили мать и дочь, обе с высшим образованием, но им приходилось трудно, и они перебивались шитьем. Папа мой часто бывал по делам в Париже и к ним заходил, питая к ним большую симпатию. Поскольку для грузинских детей не было учебных заведений, папа старался убедить этих дам, устроить летнюю школу для грузинских детей. Это казалось ему необходимым для сохранения грузинского языка и культуры в будущем. Кроме того, он считал, что этим можно помочь этим дамам, тем более, что дочка была педагогом. Папа обещал помочь в этом; достать грузинскую азбуку “Деда эна” (‘Родной язык’) было несложно. Отец обещал прислать своих детей, уговорить берлинских и других грузин поступить так же. Нас уже готовили к отъезду в Париж, но нетрудно себе представить, что из такого конкретного предприятия ничего не получилось.

Сложным делом был и религиозный вопрос. Моя семья принадлежит к грузинским католикам, и в эмиграции, где, конечно, большинство грузин были православными, это было непросто. Если я не ошибаюсь, в Берлине не существовало грузинской церкви, как в Париже, и поэтому люди посещали русскую православную церковь. Благодаря этому, нас, грузинских детей, водили на русскую елку, которая устраивалась очень торжественно, и помню, что я получила в подарок на одной из этих елок первую детскую русскую книжку, где прочла:

Смотри-ка, папа, конь какой ко мне на праздник прискакал,
Быть может, дедушка Мороз его на праздник мне прислал.

Я гордилась этим подарком, всем показывала, выучила эти русские стихи наизусть, и долгое время книжка у меня сохранялась. Но самым поразительным оказалось для меня на этих елках то, что я – не единственная Нина в мире, а их много: в то время это имя среди эмиграции было распространено, а среди немецких девочек я была единственной Ниной. Но, исключая этот торжественный праздник, мы фактически не встречались в мире русского Берлина. Помню только один факт: кто-то из русских поставил “Обломов”, и меня повели на этот спектакль, который я до сих пор помню. Не знаю, кто был режиссером, но запомнила “Спящего пастуха” Венецианова как декорацию. Это навсегда врезалось в мою память и дало мне толчок к сопоставлению изобразительного искусства и литературного текста.

Но в Берлине существовала русская католическая община, в которой служил несколько лет о. Дм. Кузьмин-Караваев, первый муж матери Марии. Он был по образованию юристом и окончил Петербургский уни-

верситет. Он был старше моего отца, но когда папа учился в политехническом институте, Кузьмин-Караваев был одним из лидеров социал-демократической молодежной группы, к которой присоединился и мой отец. Они, видимо, были близкими друзьями, так как Кузьмин-Караваев часто приходил к нам, когда папа бывал дома; они часами пили чай, вспоминая далекое прошлое.

Несмотря на материальные затруднения, жизнь в грузинской колонии протекала все-таки сравнительно мирно и спокойно, и можно добавить, как уже говорилось, что между всеми были дружеские отношения. Все это изменилось когда к власти пришли нацисты. Я в детстве мало знала о политике. Когда отец бывал дома, мы много с ним беседовали, брат мой к шестнадцати годам прочел всю европейскую литературу и часто обсуждал с отцом прочтенное. Иногда шли оживленные споры: отец требовал, чтобы мы ясно излагали и доказывали свое мнение, он же был оппонентом, заставляя нас четко выражать нашу точку зрения. До сих пор я ему невероятно благодарна за эти дебаты: они меня приучили выступать в прениях, защищать свою точку зрения и высказывать свое мнение. Как мне помнится, обсуждалось многое, но политики вряд ли касались. Политика появилась на моем горизонте через немецких детей.

У нас в доме жила семья, в которой было двое девочек более или менее моего возраста. Мы с ними не общались, так как они не учились в высшей школе, а кончали восьмилетку. Но, конечно, мы встречались. Как-то раз, я с ними встретилась на лестнице и одна из них мне вдруг говорит: всем известно, что твой отец не будет голосовать за Гитлера. Я ахнула, потому что не могла понять, в чем дело, поскольку не знала, кто такой Гитлер. Это было, по всей вероятности, в 1932 г. Когда отец пришел домой, я у него спрашиваю о Гитлере, а он отвечает, прошу тебя, не говори о нем, это зловещая личность, кроме того, я не немец, так что я вообще не голосую. Так я впервые узнала, что существует такая политическая опасность.²³

В 32-м году, я училась в Untertertia, т. е. в 8-м классе в католической гимназии, так как в протестантской школе к католикам очень плохо относились. Большинство из католиков происходило из Польши или окраинных регионов, и немцы их не любили.²⁴ Поэтому я перешла в частную

²³ Пример мне кажется показательным: в донацистской Германии родители уже воспитывали детей, как будущих нацистов.

²⁴ В средней, государственной школе, где я до этого училась, учительница, когда что-то пропадало, постоянно обвиняла в краже нас, католиков, а когда что-

гимназию, где были прекрасные преподаватели. У нас, помимо других, был и очень хороший учитель музыки, композитор, прирабатывавший преподаванием в школе.

Он отбирал наиболее музыкальных учениц для городского хора, которым он руководил в музыкальной академии, недалеко от школы, но сравнительно далеко от нашего дома; туда надо было ехать трамваем. Спевка происходила по субботам, а одна из январских суббот 1933 г. совпала с 30-м января, т. е. с днем захвата власти нацистами. Я как раз в тот день была на спевке в Шарлоттенбурге, а из Сименсштадта никто, кроме меня, в хоре не пел. Я вышла из академии, около 5 часов вечера, Было уже темновато. Иду садиться на трамвай, но оказывается, транспорт не работает – нацисты и СА триумфально маршируют по городу в знак наступающей новой эры. Мне пришлось идти пешком, это было довольно далеко, но главное, ряды СА были широкими и занимали всю улицу, и мне пришлось со страхом пополам идти не только рядом, а почти вместе с ними. До сих пор помню, как это было страшно, просто не знаю, как я добралась до главной Сименсштадтской улицы, где мне удалось свернуть в переулок, и как добралась до дома. Отец был вне себя, когда узнал, что я маршировала с СА. Начиная с этого момента, многое в нашей жизни изменилось.

В грузинской колонии вновь начались политические споры, но на сей раз о новой политической обстановке, а грузинско-национальная тема отступила на второй план. Скоро обнаружилось, что довольно большая часть грузин была за Гитлера, надеясь, что он победит большевизм и освободит Грузию. Нам и другим грузинам это казалось кошмарным заблуждением. Следовательно, образовались две противостоящие группировки: филонацистская и антинацистская. К первой группе принадлежали некоторые знатные лица, как например: М. Церетели, Г. Робакидзе, Никурадзе и, конечно, и менее известные.

Михаил (Михако) Церетели был преподавателем древнегрузинского языка в Берлинском университете,²⁵ и в 1938 г я с Мзией Папава (жена Чхеидзе, живет в южной Америке) прослушали два семестра его курса,

то было повреждено, это тоже приписывалось католикам. Такое отношение к католикам встречается и в биографии Edith Stein. Там пишется, что мать ее могла бы ей простить, если бы она стала протестанткой, потому что католики, обычно польского происхождения, в Бреслау (Вроцлав), были неряшливыми.

²⁵ М. Церетели преподавал, когда я поступила на филологический факультет и изучала романскую филологию.

причем мы были почти единственными слушателями. Он на лекциях не намекал на свои политические настроения, но помню, что как-то вечером он гулял с друзьями по центру города. Проходит отряд СА и он их приветствовал “Heil Hitler”, а те в ответ исколотили его, как старого еврея.

Теперь о Робакидзе.²⁶ Если я не ошибаюсь, он тоже уроженец Кутаиса, и мы часто с ним встречались. В моем детстве у него была жена русская, у которой была дочка моего возраста от первого брака. Мы часто к ним ходили, обедали у них, и я проводила время с этой девочкой. У нас в Берлине были его книги на немецком языке, но они все пропали. Я помню “Медео”, которую прочла, но она мне не понравилась. Позже я ее достала и в итальянском переводе Э. Покара.²⁷ Эти дружеские отношения прервались по политическим причинам: он стал убежденным нацистом, не скрывал этого, и мы отошли от него и от его семьи. К моему великому ужасу я увидела недавно в так называемом музее грузинских эмигрантов в Тбилиси, рядом со снимком моего отца, монографию Робакидзе о Муссолини. Я подошла к директору музея и спросила, почему они выставляют такую книгу, а в следующем году рядом лежала и биография Гитлера. По-моему, это непонятно, когда вспоминаешь сколько людей погибло в нацистских лагерях. После войны Робакидзе переселился в Швейцарию, где и скончался.

Другим представителем этого уклона был Никурадзе (забыла имя). Он был очень образованным человеком, кончил какой-то немецкий университет, где его оставили при кафедре, а затем он стал заведующим кафедрой географии в Берлинском университете и позже в Мюнхенском. Он был немецким поданным, а у всех нас был Нансеновский паспорт. Не могу сказать, был он нацистом по убеждению или по расчету, но во всяком случае он был членом партии. Как человек он был приятной внешности, очень воспитанный, любезный и, несмотря на все, от времени до времени приходил к нам, тем более, что он политическими интригами не занимался. Я его смутно помню по Берлину, но после войны навещала его в Мюнхене, потому что мне требовались какие-то географические сведения, и он был чрезвычайно любезен, хотя при этом не одобрил мои связи с советской Грузией. В Берлине он нам подарил свой основной труд по географии, где доказываются, насколько я помню, что существуют какие-то обще-германские корни, связывающие Грузию и Германию. Зна-

²⁶ Григол Робакидзе, грузинский писатель, написал на немецком языке, если я не ошибаюсь, роман о Медее, но и биографию Гитлера и Муссолини.

²⁷ Э. Покар был известным миланским переводчиком с немецкого.

чит, он придерживался нацистской теории о мировой победе пангерманизма. Конечно, его книга тоже выставлена в упомянутом тбилисском музее.

Приятным человеком был папин кутаисский друг Саша Коркия. У него был единственный сын Гиви, моего возраста, и мы были близкими приятелями, часто встречались дома друг у друга. Мать его была русской, по-моему, интересной и симпатичной, мальчик – красивым и обаятельным. Помнится, по слухам, что мать уговорила его пойти в немецкую армию, во всяком случае, он пришел прощаться в элегантной офицерской форме. Немцы брали в армию всех, и тех, которые по закону не должны были служить. В 1939 г., в самом начале войны его отправили, как мне запомнилось, на Крит, высадили на парашюте, и он при этом погиб. Это было невероятной трагедией, и мы все сочувствовали отцу, который после этого не хотел оставаться в Германии, покинул Берлин и переехал в Париж. Когда немцы в 1941 г. заняли Париж, он стал доверенным представителем немецкой власти и его назначили на т. н. Vertrauensstelle. Эта должность дала ему возможность спасти многих. Объявив, что в Грузии евреев нет,²⁸ он выдавал не только грузинским но и русским и другим эмигрантам-евреям свидетельство, что они арийцы. Этот прекрасный человек, сам пострадавший от нацистов, понял, что сможет спасти многих. Он умер в глубокой старости в Париже, и французские евреи в знак признательности содержали его до конца жизни.²⁹ Напротив, не так поступил русский немец Гофман, тоже заведующий Vertrauensstelle в Париже, который выдал мать Марию, ее сына Юру и священника Д. Клепишина, которые погибли в немецких лагерях как защитники евреев.

Конечно, в Берлине существовала такая же Vertrauensstelle, куда все должны были явиться. Ей заведовал Л. Ахметели, о чем свидетельствуют документы моих родителей (с фотографиями), где написано “Arier”. Не могу сказать, был он нацистом или нет. Не думаю, так как он выдавал это свидетельство и евреям, спасая их, и мы должны быть ему признательны. Кроме Гиви Коркия поступил в немецкую армию и старший сын Кереселидзе, Матэ, между прочим мой крестник.

За все берлинское время мы были в дружеских отношениях с упомянутыми людьми. Надо назвать и семью Гегелашвили, в которой были

²⁸ Это, конечно, неверно, в Тбилиси в старом городе сохранилась очень древняя синагога, а современная находится в еврейском квартале города.

²⁹ На эти деньги он смог содержать и семью о. И. Мелиа, которая жила у него в скромной квартире в Париже.

три дочери чуть старше меня. Другьями были еще Маргвелашвили, Сагирашвили, Рамишвили с детьми нашего возраста. Близкие отношения завязались также с инженерами Джаши и Гвелесиани,³⁰ и часто бывали у нас Мкурнали,³¹ а самым близким был Валико Тогоидзе.³² В Дрездене, куда мы ездили, жил католик кутаисец Бегишвили, у него была жена немка и сын, приблизительно моего возраста, который звонил брату после войны и уговаривал его приехать в Дрезден, но это брату показалось подозрительно, так как Дрезден был в советской зоне.

Теперь встает вопрос: как мы попали в Италию. Как было сказано, папа был инженером по электрометаллургии, и у него были связи со всеми европейскими странами. В августе 1939 года он был приглашен в Шеффилд, где состоялось собрание английской железоделательной промышленности. Там он понял, что англичане, как и сам Чемберлен, не верили, что Гитлер нападет на Польшу и не думали готовиться к войне. Это показалось ему очень опасным, и он решил, как только вернется в Берлин, сразу уехать в Милан, где у него было много дел.

Итак, 25 августа 1939 г. утром, он вернулся ночным поездом из Лондона, зашел домой, сказал маме, что пойдет на работу договариваться о переезде в Милан. Фирма сразу согласилась, и он в тот же вечер, 25 августа, отправился в Милан, собираясь хлопотать о нашем въезде в Италию, что было для беспаспортных людей непросто. И в самом деле, нам пришлось ждать почти 8 месяцев.

³⁰ Рапо Джаши папа смог устроить на работу. Во время войны он оказался то ли в Алжире, то ли в Марокко, но после войны устроился, думаю, у Круппа, так как жил в Эссене, а Ираклия Гвелесиани он устроил к Сименсу в Милан.

³¹ По-моему, тоже кутаисец, который часто бывал с женой у нас. Это была интересная женщина, Саша, она умерла, думаю, в начале войны. После кончины жены он переехал в Милан, где и скончался.

³² Он женился на Тине, старшей дочери Гегелашвили, ездил с нами на экскурсии и очень мило и дружески к нам относился. Говорили, что он после войны пропал, но подробности, к сожалению, мне неизвестны.

ЧТО ДѢЛАТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

СТАТЬИ

З. Н. ГИППУСЪ и К. Р. КОЧАРОВСКАГО

съ предисловіемъ

И. И. БУНАКОВА

ПАРИЖЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО ДѢЛА «РОДНИКЪ»

Libr. «LA SOURCE», 106, rue de la Tour, Paris

1 9 3 0